

СТЕФАН ГРАБИНСКИЙ

По касательной

Перевод Н. Смирновой
Издательство "Энигма"
OCR: Pasha Keith

Вжецкий вышел из дома в три часа пополудни.

Он решил предпринять длительную прогулку, чтобы затеряться в каменных дебрях улиц, бесцельным кружением заглушить вот уже месяц мучающий его кошмар мыслей, разорвать цепь силлогизмов, нескончаемой пыткой истязующих бедный мозг неврастеника.

Нервы его, до крайности изнуренные, с болезненной чуткостью реагировали на малейшие движения внутренней жизни. Полгода назад он перенес тяжелое психическое заболевание, оставившее в нервной ткани неизгладимый след, подобно отливу, усеивающему отмель водорослями. Патологические наносы, поначалу чуждые и паразитные, мало-помалу впитывались в организм, обживались в нем, обретая способность к новым образованиям.

Прежде несколько беспорядочный в мыслях, он в последнее время пристрастился к теоретизированию, с беспримерной, до абсурда доходящей логикой выстраивал абстракцию за абстракцией, подпадая иллюзии мнимой внятности своих построений. Так возник целый ряд представлений искусственных, но властных, которым он всецело покорствовал.

Навык к насильственным императивам зародился, без сомнения, еще в детстве, только тогда он питался почвой религиозно-мистической. Неисполнение какой-либо пустяковой обязанности, а то и просто ритуального жеста грозило мальчику Божьей карой, проклятием и прочими невероятными казнями. Неотступное самоистязание подчас ввергало его в безграничное отчаяние, но окованная ложным страхом детская мысль не умела освободиться от добровольных уз. По мере интеллектуального мужания недуг этот изжил сам собой и вот теперь, после перенесенной болезни, вернулся вновь, хотя и в новых, неузнаваемо измененных формах.

С железной логикой выковывал он диковинные понятия, возводил фантастические системы, выглядывая в реальный мир лишь затем, чтобы подыскать для своих химер мало-мальски годное обоснование. Слабенькая тень аргументации обрастала в его расшатанном воображении плотью и кровью, наделяя выдумку лжеочевидностью, требующей беспрекословного послушания. Он испытывал истинную отраду, когда его теориям удавалось вырвать у жизни хоть какое-то право на существование.

Стоит, однако, отметить один знаменательный факт, хотя бы отчасти его оправдывающий: сама реальность предлагала иногда такой расклад обстоятельств, который прямо-таки напрашивался стать доказательным материалом — жизнь как бы стремилась подыграть умозрительным конструкциям своего отщепенца. Но тут уже начинается призрачное порубежье дня и ночи, света и мрака, почва зыбкая и трясинная, испускающая мгlistый дурманый чад. Кто он, Вжецкий, безумец или угадчик сокровытого? Возможно и то, и другое. Вопрос без однозначного ответа.

В глетчерах бытия кровью исходит солнце,
Огненной кровью горные пики сочатся...
Глетчеры бытия мгlistый покров совлекают,
Только за пики еще цепляется мгла...
Что там, кровь или мгла?
Ведь и солнце мглу источает...

Вжецкий уже целый час метался по улицам, кружил по оживленным площадям и

бульварам, выстаивал перед витринами магазинов, сиюсь переключить остекленелый взор на конкретные формы и краски...

День был осенний, затянутый дымкой, пропитанный дождевой влагой. Из туманных разрывов выглядывали призрачные лица — загадки, укрывшиеся за маской, запечатанные уста сущностей. Ему казалось, что все они глядят на него с особенным выражением, словно бы заговорщически; под безразлично-сонной гримасой таилось понимание доступной обеим сторонам правды, очевидной и не требующей подтверждений.

Лица утомили его, он свернул в безлюдную улицу.

Она была до краев забита молочным туманом. Он двигался осторожно, чтобы не натолкнуться на фонарь, и внезапно почувствовал на плече чью-то руку:

— Привет, Владек!

— А, это ты! Ничего не разглядеть в такой мгле!

Вжецкий сердечно пожал протянутую руку.

— Куда направляешься?

— В прозекторскую.

— Понятно, резать трупки. Интересный покойник, да?

— Нечто в этом роде.

— А что за ценная рукопись торчит из твоего кармана?

— Рукопись еще та: «О самоотравлении у змей». Занимательная проблема. Как знать, может, и у них бывают трагедии...

— Что ж, не исключено. Но ты, как я вижу, спешишь. До скорого!

Они разошлись. Вжецкий уже собрался свернуть направо, но приятель-медик его нагнал.

— Да, вовремя вспомнил. Советую тебе, мон шер, прошвырнуться по выставке, пока на тебя снова не напала страсть к отшельничеству. Вот билет, воспользуйся случаем. Даю слово, не пожалеешь! Несколько превосходных эскизов, пейзажи, портреты, причем один групповой — наш старик в кругу ассистентов, ну и рожа! А мы вокруг, словно схваченные на месте преступления злодеи. Выглядим впечатляюще. Ну, пока!

Приятель сунул ему в руку билет и поспешно удалился.

Вжецкий машинально повернул в сторону выставки. Немного погода всплыл тревожный вопрос: с какой стати Бжегота погнал меня на эту выставку? Неспроста!

Еще через минуту его встревожил собственный интерес к бумагам, торчавшим у молодого эскулапа из кармана плаща. Не спроси я про эти бумаги, название странной статьи осталось бы мне неизвестным. Почему я спросил?

Как во сне промелькнула мимо пара прохожих, о чем-то оживленно толкующих. Мозг зафиксировал обрывок разговора:

— Ну и ну, чистое полоумие! С чего это?

— Говорят, дуэль по-американски. Черный шар достался ему...

Конец диалога увяз в тарактении подъехавшего автомобиля, прохожих затянуло туманом.

Что за идиотизм — доверять решение дела слепому случаю, пожал плечами Вжецкий.

Он почувствовал страшную усталость, голова раскалывалась от докучливой нервной боли. Усевшись на скамейке ближайшего скверика, Вжецкий вынул сигарету и закурил. Место было тихое, заросшее отцветающими кустами осенних роз. Мелкие, шафранного цвета лепестки, опадая, застревали в ветвях или укладывались на газон хаотичным орнаментом. Голые прутья уныло слезились дождевыми каплями: узкая прозрачная струйка набухала водой, раскачивалась и, обретя напоследок выразительную форму пули, срывалась вниз. Что-то подкрадывалось к его сознанию тайным ходом, внедрялось все увереннее, все настойчивей... кристаллизовалось.

Так, надо обдумать. Разве нет связи между встречами с Бжеготой и обрывком подслушанного разговора? Ага! Берем след! Самоотравление у змей и черный шар, доставшийся какому-то полоумному. Отменно! Превосходно! Явственно ощутим общий стиль, точки можно соединить.

Вжецкий пришел в отличное настроение — почуял доказательный материал к одной из

своих «теорий». Пристрастие его к математике придавало ей весьма своеобразный колорит.

По аналогии с планетарной системой он графически представлял себе протекание отдельного события или ход жизни отдельных индивидуумов в виде эллиптических орбит, по которым они передвигаются на манер математической точки. Замкнутые кривые, с особой организацией, идеей, планом, со своей конфигурацией. Разумеется, эллипсы эти в плане межчеловеческого общения должны между собой пересекаться в самых различных комбинациях, воздействуя друг на друга, ибо они пребывают в одной плоскости. Эллипсы более вытянутые, означающие ход событий и судьбы людей в их абсолютной смежности, нигде с другими не пересекаются. Вжецкий, однако, заметил один любопытный факт: кривые эти способны выстроиться так, что точки максимума, точки наибольшего прогиба или взлета, легко соединить прямой линией — общей касательной, связывающей точки эллипсов за пределами их полей. Линией сиюминутных позиций, которые в ближайший момент сменятся иными, обретая утраченную последовательность и возобновляя движение в выбранном направлении, но ведь на какое-то время, хотя бы на один миг, они служили опорными точками непредсказуемой касательной — линии бесцельно смешных совпадений, до абсурда диковинных стечений обстоятельств, игры слепого случая!

Впрочем, в их слепой случайности Вжецкий весьма сомневался: он сумел разглядеть известную стилизацию в расположении точек максимума. Этот ряд при всей своей кажущейся непреднамеренности обнаруживал систему. Тут прослеживалась особая связь, имеющая целью что-то указать, открыть, исполнить роль предопределения для того, кто сумеет проникнуть в тайну фатальной линии. До сих пор Вжецкий пребывал в пределах теории: дедуцировал. Не наткнулся еще на свою касательную в действительности, хотя твердо верил в возможность ее реального существования. Жизнь его пока что кружила, как и у большинства людей, по обыкновенному эллипсу, терпеливо подчиняясь центростремительному ходу будничных обстоятельств, не возбуждающей подозрений последовательности причин и следствий, психологических или механических результатов. Тем не менее он готов был в любую минуту от малейшего внешнего толчка сорваться с предписанной орбиты и на фатальной скорости устремиться по негаданному пути, хотя и предчувствовал, что тогда центробежные силы одержат над ним решительный верх и покатают его, точно колесо, выскользнувшее из приводного ремня, в сумасшедшую даль. Его тянула туда страсть к необычному и лестная возможность проверить свою теорию, а быть может, его манил туда фатум. Вжецкий был почитателем таинственных сфер...

Куда его занесет на этом пути, он не знал — все зависит от того, какие точки угодят на касательную. Но Вжецкий чувствовал, что его вот-вот вывернет из орбиты, подтверждением тому служили два странных происшествия, ознаменовавших начало его прогулки. Темная сила полегоньку вытесняла его из привычного круга и толкала прямо перед собой. Куда — он пока что сообразить не мог. Конец касательной терялся в непроглядных далах перспективы. Или... или он ошибается, морочит себе голову? Может, выгиб его кривой просто так, случайно подошел к непредсказуемой касательной почти вплотную? Он решил пасть терпением и ждать.

Покинув скамейку, Вжецкий двинулся по направлению к выставке. Дорогой подчищал последние выводы.

Уточним факты. Связывает их не только общность по существу, можно сказать, идейная, но и побочные обстоятельства, наводящие на размышления. Вырисовывается двойная линия связи. Зачем Бжегота уговаривал меня посетить выставку? Видимо, затем, чтобы направить на улицу, где мне предстояла встреча с незнакомцами, рассуждавшими об американской дуэли. Избери я другую дорогу, встреча бы не состоялась. Разумеется! Да, но к галерее можно пройти и через площадь Согласия. Нельзя! Тогда приходится делать слишком большой крюк. Нет, не случайно меня свернуло в эту именно сторону. Оттуда это была единственная дорога. Значит, Бжегота прямо-таки толкнул меня в объятия двух болтливых типов. Хорошо. Только с какого боку меня все это касается? Куда меня тащит? Спокойствие, прежде всего спокойствие. Дело выяснится.

Вжецкий ускорил шаги. Напряженное до взвинченности ожидание сжимало его как в тисках. Чей-то хриплый голос прервал дальнейший ход его размышлений: по тротуару брел, пошатываясь, пьяный мастеровой. Вжецкий хотел его обойти, но не успел — распухшая физиономия чуть ли не уткнулась в него, обдав тошнотным перегарным смрадом. Пьянчуга вытаращил на него налитые кровью глаза и рассматривал с бессмысленной хмельной задумчивостью. Вдруг во взгляде его мелькнуло выражение смертельного ужаса, он отшатнулся и залепетал почти протрезвевшим голосом:

— Валец! Господи оборони! На кой ляд ты сюда явился? Людей среди бела дня пугать? Сгинь!

— Попрошу без глупостей! Пропустите меня, не то я позову полицию! Ну! Кому говорят! Услышав человеческий голос, мастеровой очухался окончательно.

— Ладно, господин хороший, сердиться нечего. Правду говорю, нечего. Мне помстилось. С пьяных глаз, не иначе, воскресенье нынче, вот и залил лишку за воротник. Но уж больно ты, господин хороший, на Валека машешь, капля в каплю, разве что собой поглаже да одежда чистая. Кореш мой, тот всю жизнь в рванье проходил. А в лице большая сходственность будет, такой же был у бедолаги видок, как сняли его с крюка. Удавился, бестия, с голодухи.

Вжецкому стало не по себе. Он хотел было свернуть в соседний проход между домами, но мастеровой, нацелившийся туда же, стал его упрасивать с пьяной настойчивостью:

— Нет уж, господин хороший, ты за мной в тот двор не ходи. А то мне боязно будет, будто смерть за мной тащится по пятам. Давай разойдемся по-доброму. Вон — туда тебе вольный путь... — И он пропустил его в узкий проулок, расположенный несколькими шагами дальше. Чтобы отвязаться от него, Вжецкий уступил. Мастерской тут же нырнул в темную подворотню.

— Пошлепал по своему эллипсу дальше, — машинально прокомментировал Вжецкий. — Вернулся на свою орбиту. Для него наша встреча всего лишь незначительный эпизод. Даже не подозревает, какая ему выпала роль.

Он отер залитый ледяным потом лоб. Пробудился инстинкт самосохранения. История становилась слишком уж выразительной, знамения сами кидались ему навстречу с назойливой откровенностью. На миг с нестерпимой яркостью проблеснул в мозгу конец рискованной линии. Он погасил видение, обратившись к здравому смыслу. Стоит ли обращать внимание на такой пустяк? Пьяному бродяжке привиделся во мне знакомый удушенник. Какое мне до этого дело? Я всегда питал отвращение к подобной смерти.

Вскоре, однако, он признал свою рацею недостаточной и включил в касательную пункт третий. Он почти примирился с навязанной ему новой дорогой, хотя выставка теперь явно выпадала из его маршрута — слишком круто он свернул вбок, поддавшись уговорам пьянчуги. Это укрепило его в убеждении, что дело было вовсе не в том, чтобы он полюбовался впечатляющей группой молодых медиков на портрете, а в том, чтобы совершились две первые встречи: как только они состоялись, его развернуло в другую сторону.

Прозрачные клочья тумана лепились к фронтонам зданий, зависали в просветах неба между крышами. Сквозь их неровную ткань несмело заглядывали в провалы улиц тусклые блики солнца. Странно! Именно теперь, когда история начинает обретать явственные контуры. Неужели и тут какая-то связь?

Веко его нервически задергалось, перед глазами заходили мглистые, серые круги, ноги, независимо от его воли, делали неуверенные шаги. Он с трудом дотащился до открытой террасы кафе и тяжело опустился на козетку. Подали газеты и черный кофе. Жадно выхлебав чашку, Вжецкий погрузился во вступительную статью «Фигаро». Однако что-то ему мешало, он не мог свободно читать: несколько раз уже поворачивал голову и беспокойно вертелся на месте, тщетно стараясь стряхнуть неприятное ощущение. Всеми нервами он чувствовал на себе чей-то взгляд. Наконец он открыто повел глазами в ту сторону, откуда шло беспокойство. И только теперь за столиком справа заметил пожилого уже господина в странном облачении — на нем была желтоватая накидка с прорезями для рук, шея

живописно задрапирована испанской шалью. Незнакомец, видимо, давно уже приглядывался к нему с оскорбительным любопытством. Физиономия его была если не симпатичной, то, во всяком случае, весьма оригинальной. Сморщенное, пожелтевшее, как пергамент, лицо с широкими губами, лишенное растительности и совершенно неподвижное, напоминало маску античного актера; кожа на висках точно присохла к черепу, отливавшему в свете лампы матовым трупным блеском. Он имел вид ученого, заполучившего для исследования интереснейший экземпляр. Из-под кустистых бровей посверкивали глаза зеленовато-желтого цвета, очень и очень необычные: тысячи фосфоресцирующих иголочек подергивались и перемещались в них, точно в искровом разряднике, отчего зрачки напоминали просвечивающее устройство, казалось, они проникали человека насквозь, вплоть до мельчайшего волокна.

Вжецкий заметил, что незнакомец не смотрит ему в глаза, а скорее изучает голову на уровне лба. Он хотел было подняться и потребовать от нахала объяснений, но тот опередил его: покинув свой столик, стал неспешно приближаться к Вжецкому, не спуская глаз с облюбованного на его черепе пункта. Подойдя почти вплотную, он воскликнул:

— Поздравляю, сердечно поздравляю! Вот это называется меткость! Пиф-паф! И ведь куда угодило! Прямо в зрительный центр сквозь шишковидный отросток. Нет, это в своем роде шедевр! Но признайтесь, дорогуша, вы ведь ослепли начисто? Ба! Что я вижу! «Крупп и компания», калибр девять миллиметров, стальная рубашка *prima sorta*. Ну, поздравляю, поздравляю, прямо в зрительный центр и ни на миллиметр в сторону...

Вжецкий не понимал. Он был лишь до бешенства раздражен назойливостью незнакомца, тем более что на них уже начали обращать внимание; вокруг его столика собралась куча любопытных. Наконец Вжецкий выдавил из себя осевшим от злости голосом:

— Гарсон! Избавьте меня от этого наглеца! Но просьба оказалась излишней. Незнакомец, все еще держа палец нацеленным в его лоб, полегоньку пятился к выходу и вскоре исчез за дверью. Публика тоже разошлась, только какой-то поджарый, английского кроя джентльмен не трогался с места, усмехаясь себе в усы; он производил впечатление человека, неоднократно бывшего свидетелем подобных сцен. Отвесив Вжецкому легкий поклон, он, не спрашиваясь, присел к его столику со словами:

— Вижу, вам не очень пришлось по вкусу выступление дядюшки Эдди?

— Вы имеете в виду этого чокнутого?

— Именно. Мы его зовем дядюшкой Эдди, в нашем кафе это знаменитая личность. Заходит сюда по воскресеньям и праздникам. Феноменальная помесь сумасшедшего с экстрасенсом.

— С экстрасенсом?

— Да. Вы, вероятно, слышали о существовании людей с исключительным, аномальным даром: они видят человека насквозь — нервы, мышцы, костяк, словом, весь человеческий организм развернут перед ними словно карта. Дядюшка Эдди, когда-то прекрасный врач, благодаря своим исключительным способностям нажил целое состояние. Его использовали во время операций для интроспекции, он оказывал медицине огромные услуги. А потом спятил — стал замечать у пациентов невероятнейшие вещи. Мне он, к примеру, объявил, что в полости сердца у меня проживает не кто иной, как микроскопическая лягушка. Как вам это понравится? У вас он тоже углядел кое-что интересное...

— Что? — Вжецкий дрожал от нетерпения.

— Как что? Неужели вам не ясна его ахиня? Впрочем, дядюшка Эдди обожает таинственность и рядит свои диагнозы в пифийские одежды, его без толмача не уразумеешь. Так вот, в вашем черепе он разглядел мастерски всаженную пулю...

— Пулю?

— Конечно, пулю. «Крупп и компания» — это же знаменитая фирма. Да что с вами? Вы побледнели? Ну, не надо ребячиться. Еще чего! Расстраиваться из-за бредней старого дурня!

— Да, вы совершенно правы. Я просто... забылся. Гарсон, два шампанских! Позвольте вас угостить...

Выпили несколько бокалов. Вжецкий напрасно силился захмелеть. Наконец он заплатил, распрощался с любезным англоманом и вышел.

На улице почти совсем прояснилось. Вдоль карнизов, вокруг куполов и верхушек деревьев сновали пасма тумана, быстро поглощаемые открывшейся синевой. Сквозь редющую дымчатую пелену все увереннее глядело вызревшее до жаркого цвета закатное солнце. Вжецкий болезненно остро, всеми клетками ощущал его палящие, безжалостные прикосновения, старался укрыться от них подальше в тень, забивался в темные закоулки. Ему чудилась неуловимая связь между выползавшим из мглистого кокона солнцем и все яснее проглядывающим концом безумной касательной. Темп, в каком этот образ обретал выразительность, казался ему слишком быстрым, будь его воля, он бы охотно его замедлил — так хорошо было бесцельно кружить в лабиринтах тумана, так заманчиво скользить по самому краю мирно дремлющих пропастей... Забава, однако, подходила к концу: сквозь потревоженные покровы уже проступал грозный лик искушаемой тайны, готовящейся наказать неосторожного смельчака. На язык просилось определение, точно выражавшее случившееся, оно рвалось изнутри, пытаясь получить доступ в сознание, но он силой вернул его туда, откуда оно пришло. Тщетно! Все равно за ним гналось солнце, палило глаза, лицо, голову, убийственными ударами отзываясь в груди. Он остановился на углу какой-то улицы, не зная, куда идти. Из воротного зева блеснула навстречу пара взволнованных лиц.

— Росстанная, тридцать.

— Хорошо, я непременно приду. Как ты добра, как ты безмерно добра ко мне...

Он машинально двинулся по указанному адресу, сделав последнее слабое усилие к сопротивлению.

— С какой стати я туда тащусь? Ха-ха! Там меня поджидает рок — вот с какой!

Его прямо-таки гнало в ту сторону. На повороте он ненароком вскинул голову, взгляд упал на большую голубую афишу. Он охватил глазами первый пункт программы:

«Синьора Беллестрини, примадонна итальянских сцен, в качестве вступления исполнит арию: "Пепито, ах, там укажу тебе, что надо совершить! Пепито, ах, ах, там укажу..."»

Так, достаточно и этого, остальное пусть остается для ознакомления публики.

Через пятнадцать минут он вступил на лестничную клетку подслушанного номера. Дом был трехэтажный, возникали сомнения насчет этажа. Я откажусь от этого глупейшего фарса, если не получу точного указания, твердо постановил он.

В ту же минуту снизу послышался скрип ступеней, кто-то нагнал его на лестнице и пробежал мимо.

— Может, это мой провожатый?

Пришелец уже поднялся на второй этаж. Остановился на площадке. Вжецкий последовал за ним.

На втором этаже он застал незнакомца рассматривающим табличку с фамилией на чьих-то дверях. В тот момент, когда Вжецкий одолел последнюю ступеньку, тот повернулся и посмотрел ему прямо в глаза, после чего не мешкая стал подниматься по лестнице вверх.

— Благодарю! — чуть не крикнул ему вслед Вжецкий, уловивший в глазах незнакомца особое, подстрекающее выражение.

Значит, тут... Надо признать, опекают меня до самой последней минуты. Подумать только, какая услужливость!

Он без колебаний распахнул двери, у которых только что стоял «провожатый». В ту же секунду из глубины квартиры раздался сухой треск. Он ринулся внутрь: в заливающем комнату закатном блеске стоял молодой человек с приставленным к виску пистолетом; видимо, в самый момент прибытия Вжецкого он выстрелил, но оружие дало осечку. Он заметил вошедшего, но по-прежнему стоял истуканом, не меняя позы. Вжецкий любовался им, скрестив на груди руки.

— Что за картина! Какое изящество линий, какая точность в деталях! И освещение, самое главное освещение, прямо-таки гениальное... Нет, вы бесподобны. Вы идеальный тип — пардон! — образец самоубийцы. Да что там! Вы идеальное воплощение самой идеи этого

акта.

Он гневно вырвал пистолет из рук юноши.

— А теперь хватит! Эта игрушка не для вас! Вы ошибаетесь, мой дорогой. Но это неважно. Такая уж вам выпала роль. Что? Сейчас станете хныкать о разбитой любви или о долге чести? Ерунда, молодой человек, ерунда! Вы всего лишь символ, знак, уже разгаданный другим! Понимаете? Потому ваша машинка и не сработала. «Пепито, ах, Пе-пито, ах, там укажу тебе, что надо совершить...» Славная арийка, вы не находите?

Вжецкий осмотрел магазин.

— Ага! Хватит еще на один выстрел. Прекрасно! А вы знаете, получается забавное *qui pro quo*...

Он озабоченно сморщил лоб.

— Да, чуть не забыл! У вас могут быть неприятности, квартира как-никак ваша... Скажете, что... что причиной послужила стилизация случая... вы же явились ее последним, кульминационным пунктом... Да, так им и скажите... Подумать страшно, чего бы вы могли натворить, явись я минутой позже. — Вжецкий посмотрел на часы, одновременно взводя курок. — Шесть. А ведь я и сам не предполагал, выходя в пятнадцать ноль-ноль из дома, что ровно через три часа...

— Что?

— А вот что!..

Молниеносным движением он приложил дуло к виску и спустил курок. На сей раз машина сработала, и Вжецкий мертвым врезался в солнечный экран пола.